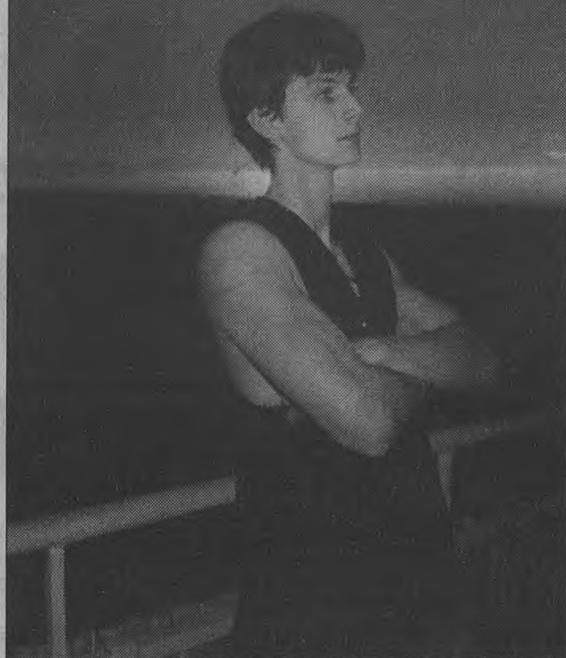

БЛЕДНАЯ НЕ ДОЛЖНА

Кн. обозрение. — 1999. — Ч. 30
с. 30

СЛАВА БЫТЬ БЛЕКЛОЙ!

Илью Бледного телезрители узнали совсем недавно: вспоминаете знаменитую рекламу «Нескафе» — с поваленной елкой и перегоревшими пробками? Или сюжет с младшим братом: «Это Ангелина!» Театралы знают Илью Бледного лучше: он ведущий артист Московского драматического театра под руководством Армена Джигарханяна, в «Ревизоре» играет Хлестакова... В мечтах и планах — Иван Карамазов Достоевского и шекспировский Меркуцио.

— Илья, как вы стали артистом?

— Гены. Я в третьем поколении артист. В театре играл мой дедушка по маме. Мои родители всю жизнь связаны с театром. Папа — однокурсник Александра Абдулова по ГИТИСу. Всю жизнь мы на колесах: родители играли в театрах Калининграда, Воркуты... Я с детства не представлял себя в чем-то другом, кроме театра. Учился в Щукинском училище в Москве. Потом попал на Таганку к Любимову: он взял меня одного с курса и предложил роль Ивана Карамазова.

— По благу?

— Нет, я вообще не был знаком с Любимовым.

— Вас послушаешь, так блага у артистов вообще нет!

— Это было раньше, может быть. А у нас существуют показы: курс едет показываться в один театр, в другой.

— Почему-то дети актеров более талантливы, чем дети неактеров, или это кажется?

— Бог его знает. Когда папа-актер приходит к другу-режиссеру и говорит: «Возьми моего сына к себе!» — это нормально. Но это же не значит, сын талантлив! Думаю, количество «актерских» детей в театрах не определяется их талантом. То, что, допустим, Козаков-младший везде играет, совсем не говорит о том, что он хороший актер. Я смотрю на него — и у меня совсем другое ощущение

— Не бойтесь?

— Говорю то, что я вижу и чувствую.

— Сын актера или писателя может стать (и становится!) актером или писателем, а один сын авиаконструктора (не будем называть фамилии!), даже будучи генеральным конструктором, так и не научил самолеты летать...

— Мне об авиаконструкторах трудно судить. А вот по поводу актерства могу сказать точно: если человек выходит на сцену и ты не можешь от него

глаз оторвать, потому что от него идет такая энергия, — значит, у него Божий дар! Хороших актеров даже в плохих спектаклях видно. Недаром о плохом спектакле можно услышать: постановка — дерьмо, но на этого актера стоит посмотреть!

— Вернемся к Любимову и его Таганке.

— Я продержался в театре чуть больше года. Репетировал со вторым режиссером весь второй акт без Любимова. Показал Юрию Петровичу перед тем как он уехал в Израиль или еще куда-то. Ему очень понравилось, мы пожали друг другу руки, он меня взял в театр и сказал: готовьте, работайте над ролью, учите текст, будете играть... Наверно, я себя неправильно повел. К тому же у меня начались в училище госэкзамены, надо было отлучаться. А у Любимова все подчинено только одному — служению Мельпомене, и Мельпомена эта — сам Юрий Петрович! Когда его нет в театре, ничего не происходит, все разваливается. Как только Юрий Петрович появляется — у театра появляется душа... Я понимал: нужно год-два три, чтобы что-то у меня в этом театре случилось. И я стал искать другие варианты. И вдруг — опять судьба: моя подруга тоже уходила от Любимова, мы с ней играли отрывок. Она показывалась в театре Джигарханяна. Я пришел подыгрывать. В это время Сергей Газаров набирал новую труппу. Мне нравилось то, что он делал. У нас в театре пока один спектакль — «Ревизор», где я играю Хлестакова. В Хлестакове есть какая-то загадка — при всей его «легкости в мыслях необыкновенной», и эту загадку нельзя разгадать. Я даже и не пытаюсь разгадывать. Потому что, наверное, если в герое открыть что-то неведомое, то этого нельзя воплотить в роли. Надо догадываться и чуть-чуть притрагиваться к отгадке...

— Раз уже разговор зашел о загадках и отгадках, откройте секрет: когда актеры целуются на сцене, они это делают по-настоящему?

— Да, взаправду!

— А если актер не любит актрису? Вдруг она его укусит?

— Бывает и такое. Но это лучше делать в другом месте, а не на сцене. На сцене надо выполнять рисунок.

— Какую же силу воли надо иметь!

— Да. У нас тяжелая и противная профессия.

— Ваша жена не ревнует, когда вам приходится целоваться на сцене? Кажется, в «Ревизоре» есть сцена с сорокой... Или у актеров ревности не принято?

— Приняты, и еще какие! Я ее сразу предупредил: ты уж не ревнуй!

— Узнают вас на улице после телерекламы «Нескафе»?

— Очень смешная реакция девочек лет четырнадцати: заходят в вагон метро и шу-шу-шу, пищают друг друга...

— Это же слава!

— Это не та слава, к которой я стремлюсь.

— Бледная?

— Хотелось бы, чтоб Бледная слава была другой. Эта слава — блеклая...

— На улице весна, праздники, женщины проснулись после зимней спячки... Что бы вы им пожелали?

— Что бы ни происходило в наше время, самое главное для женщины — любовь! Хотел бы пожелать женщинам быть любимыми. Когда женщину любят, она расцветает как цветок. Так и возникает искусство. Каждый мужчина летит к ней как мотылек.

— А если женщина голодна и вместо любви думает о котлете?

— Это тема другого разговора. К тому же я идеалист!

Беседовали Александр ЩУПЛОВ